

0226

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кэтрин Манн

ТАНЕЦ
ЛУННОГО СВЕТА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кэтрин Манн

Танец лунного света

«Центрполиграф»

2012

Манн К.

Танец лунного света / К. Манн — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Рейф Кэмерон добился всего, чего хотел, и теперь он может реализовать давно вынашиваемый план мести. Однако Рейф не ожидал, что противостоять ему будет Сара Ричардс – его бывшая возлюбленная, у которой тоже есть цель...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кэтрин Манн

Танец лунного света

Это издание опубликовано с разрешения «Арлекин Энтерпрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Acquired: The CEO's Small-Town Bride

© 2011 by Harlequin Books S.A.

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2012

Глава 1

Почти всю жизнь проработав в ресторане теннисного клуба Виста-дель-Мар, Сара Ричардс, конечно, знала главное правило всех официанток: никогда не проливать кофе на клиентов. В первый раз за четырнадцать лет она была близка к тому, чтобы его нарушить. Она вставила листок с заказом в держатель и снова посмотрела в зал, где сидел он – Рейф Кэмерон, ее школьная любовь.

Он сидел за столиком со своим сводным братом, Чейзом Ларсоном, и словно не замечал, что о нем шепчутся на каждом углу даже через пять месяцев после его возвращения в город. Ну почему он совсем не изменился? Почему время так милостиво к нему? От него и в школе глаз было не оторвать, а сейчас он стал настоящим красавцем. Золотые волосы только чуть-чуть потемнели, холодные внимательные глаза остались такими же голубыми, как в юности; тело оформилось, став именно таким, каким обещало стать. Впрочем, к нему и тогда было очень приятно прижиматься на заднем сиденье его машины. Сара почувствовала, как по ее телу прокатилась очередная волна мурашек.

По всей видимости, он повлиял на Сару куда сильнее, чем она на него. С тех пор как он вернулся, они не обменялись и парой слов, он даже руки ей не подал хотя бы из вежливости. Она могла бы подумать, что он избегает ее, но, скорее всего, она просто была слишком незначительной вехой его жизненного пути, чтобы он вообще обратил на нее внимание. И за это заслуживал кофейника, опрокинутого ему на колени.

Впрочем, за ним водились и более тяжкие грехи, чем пренебрежительное отношение к бывшей девушке. Жители города надеялись, что мальчик из низов, разбогатевший, заработавший себе авторитет и влияние и вернувшийся домой, поможет спасти умирающую фабрику по производству микрочипов – основополагающее городское предприятие, за счет которого Виста-дель-Мар и жил. Однако в прошлом месяце в «Сисайд газетт» появилась статья, в которой сообщалось, что Рейф Кэмерон планирует приостановить функционирование фабрики.

От одной мысли о том, что ее родители, всю жизнь отдавшие фабрике, могут потерять работу, гнев вскипал в Саре. Она яростно захлопнула дверцу шкафа. Через минуту ей придется встретиться лицом к лицу с Рейфом «Иудой» Кэмероном, и надо было срочно что-то сделать с желанием обварить его горячим кофе. Она не имела права терять работу.

Кто-то откашлялся за спиной у Сары, прерывая ее мрачные размышления, и она вздрогнула. Не дай бог кто-нибудь увидит, как она пялится на Рейфа, и неправильно истолкует этот взгляд! Она обернулась, ожидая увидеть своего начальника или коллегу, но перед ней, скрестив руки на груди и вскинув брови, стояла ее бабушка.

Надо взять себя в руки. Никто не сможет одурачить Кетлин Ричардс.

Сара смело посмотрела в точно такие же зеленые глаза, как ее собственные. Глядя на свою бабушку, Сара видела себя через пару десятилетий; у них даже характеры были похожи. Кетлин знала все секреты внучки, вплоть до самых детских, и Сара обожала ее.

– Привет, бабушка. Зашла позавтракать? – спросила она, отходя в сторону, чтобы пропустить официантку с подносом.

Сквозь открытую высокую дверь от бассейна, где посетители расположились под черными зонтами, долетал запах воды. Кетлин часто бывала в клубе, когда служила первым помощником Рональда Уорта, прежнего владельца фабрики.

– Нет, сейчас, когда я уволилась и живу на пенсию, мне не по карману питаться в таких местах. – Она похлопала по черно-розовой сумочке. – Я пришла повидаться с тобой, милая, раз уж ты так упорно игнорируешь мои звонки. Мы с Нильдой договорились встретиться в «Бистро» и были бы очень рады, если бы ты присоединилась к нам.

– Чтобы вы смогли рассказать мне про очередного шикарного холостяка, который попался вам совершенно случайно и с которым мне непременно надо познакомиться? – Сара поморщилась, подумав, что бабушка заметила, как она пожирает глазами Рейфа. – Бабушка, ты никогда не думала, что тебе стоит открыть клуб скоростных свиданий?

Кетлин подмигнула ей и покачала сержками в виде сиамских кошек:

– Ты будешь моей первой клиенткой, если это случится.

В прошлом месяце исполнилось три года со дня гибели мужа Сары в автокатастрофе, и с тех пор Кетлин удвоила свой пыл, пытаясь найти Саре мужчину. Конечно, Сара скучала по Квентину и всегда будет скучать, и ее бабушка искренне хотела помочь ей, но она справится сама.

– Спасибо, но я пас. – Сара обняла Кетлин за плечи, мягко подталкивая к выходу. – Очень тебя люблю, но помощь мне не нужна. Все, иди, мне надо работать.

Лучше побыстрее принять заказ Рейфа и покончить с этим, как проглотить горькое лекарство. От одной мысли, что придется выйти к нему, Сару охватывал ужас, и дело было не только в опасностях, которые таил в себе ее необузданный характер, но и в том, что воспоминания, для Рейфа совершенно несущественные, для Сары по-прежнему значили очень много.

Кетлин упорно не желала уходить.

– Что плохого в том, чтобы пригласить свою любимую внучку на чашечку кофе?

– У тебя нет внучек, кроме меня, а перерыв у меня только через час. Не беспокойся, я в порядке. – Она просто изо всех сил старалась не думать о тех чувствах, которые вызывал у нее этот мерзавец там, в зале. – Я просто переживаю из-за фабрики, как и все мы.

Стремление Рейфа отомстить одному человеку будет стоить жизни целому городу. Когда они учились в школе, Рейф часто рассказывал Саре о том, как однажды он уничтожит «Уорт индастриз», уничтожит самого Рональда Уорта, но, когда он исчез после выпускного, Сара решила, что его планам никогда не суждено сбыться. Подумать только, как будто еще вчера их объединяло презрение к людям, тратящим на один ужин столько, сколько иные тратят на еду за неделю!

Кетлин дернула внучку за хвост:

– Ладно, на этот раз я оставляю тебя в покое. Но мне правда надо с тобой поговорить, так что приглашаю тебя завтра к себе на обед. Я знаю, что у тебя завтра выходной, так что не пытайся меня одурачить, – велела она и выскочила за дверь прежде, чем Сара успела возразить.

Все, больше ничто не мешало Саре наконец выйти в зал. Она еще раз посмотрела на его столик: увы, он не был так любезен и не испарился. Сидит себе, красивый, как мечта. Сара сжала карандаш и блокнот в кармане фартука, собираясь с силами, и двинулась через зал к расписному окну, изображавшему очаровательную бухту на побережье Тихого океана. Сара помнила ее еще с того времени, когда они с Рейфом встречались.

Пока она шла к его столику, до нее долетали обрывки разговоров, словно кто-то переключал радиостанции. Там за салатом заключалась сделка, здесь холеные красавицы обсуждали каникулы на Гавайях, лениво тыкая вилками в сыр и фрукты. Сара сосредоточилась и больше не отводила взгляда от своей цели.

Ей было больно, когда он оставил ее после выпускного и ни разу с тех пор не дал знать о себе, но его теперешний самодовольный вид просто взбесил ее. Она выхватила из кармана карандаш и блокнот, как опытный ковбой – пистолет. Пришел конец мучительным мыслям о том, каково это – снова увидеть его, и эту встречу он не забудет никогда.

Рейф Кэмерон пятнадцать лет безуспешно пытался забыть Сару Ричардс. Даже после того, как она вышла за какого-то местного, он не смог перестать думать о ней. Зла на нее он не держал, по крайней мере не слишком.

Вполуха слушая, что ему говорил Чейз, Рейф смотрел, как Сара идет к ним, толкая перед собой серебряную тележку с принадлежностями для чая и кофе. Ее огненные волосы были собраны в хвост, соблазнительное тело скрыто простой белой блузкой и черными брюками – униформой обслуживающего персонала клуба, но на Саре даже типовая одежда смотрелась не так, как на других. Она вообще была ни на кого не похожа.

Она надвигалась на него, и он видел, как язычки гнева пляшут в ее изумрудных глазах. Впрочем, Рейф успел привыкнуть к ненависти в свой адрес с тех пор, как объявил о своем намерении закрыть фабрику, и был удивлен, что Сара не обрушилась на него раньше. Она никогда не скрывала своих чувств. Некоторые вещи, судя по всему, не меняются.

Например, то, как его тело реагировало на ее приближение. Волна жара прошла по его телу, нежеланная и непрошенная. Он приехал сюда сравнять счет; Рональд Уорт не пожалел его родителей, и Рейф не станет жалеть его. Он не чувствовал себя ни в малейшей степени виноватым за то, что делал. Он вершил правосудие. Никому, даже Саре Ричардс, не удастся сбить его с пути.

Сара остановилась у его столика.

– Могу я принять ваш заказ, мистер Кэмерон?

– Конечно, мисс Ричардс. – Он повертел в пальцах хрустальный бокал. – Или миссис Доббс?

– Нет, снова мисс Ричардс.

Интересно, почему она вернула себе девичью фамилию после смерти мужа?

– Простите, – сказал Чейз, переводя взгляд с Сары на Рейфа и обратно. – Очень рад снова вас видеть, Сара, но мне нужно отойти позвонить. Принесите мне, пожалуйста, пасту и чай со льдом.

Чейз улыбнулся и ушел, оставив Рейфа наедине с Сарой. Рейф отставил бокал в сторону.

– Очень рад снова видеть тебя, Сара.

– Ах, значит, ты все-таки помнишь меня, – чрезвычайно ядовито сказала она. – Ты уже пять месяцев в городе, и я начала опасаться, что ты забыл. Слишком высоко забрался, чтобы замечать старых друзей?

Рейф удивился. Странно, что она заговорила о том, что он бросил ее, а не о том, что он собирается уничтожить фабрику, что это до сих пор для нее важно. Он даже почувствовал гордость от этой мысли.

– Глупо обижаться на то, что было в школе.

– Я говорю не про прошлое. – Она пристукнула карандашом по столу. – Я говорю о настоящем, о том, как ты ведешь себя сейчас. Я удивлена, что у тебя хватило наглости так спокойно заявиться сюда после всего, что ты сделал.

– Сейчас время ланча. Людям надо питаться, Котенок.

Сара сжала губы, услышав прозвище, которым он называл ее в школе. Он прозвал ее так за характер, и за царапины, которые она оставляла на его спине, и за то, как она мурлыкала, когда он...

Рейф поправил галстук. Они так и не дошли до самого конца, но его пальцы до сих пор помнили жаркую влажность и то, как она содрогалась от его прикосновений. Он глубоко вздохнул.

– Что сегодня в меню?

– Ты правда собрался притвориться, что все нормально?.. Что ж, мне не стоило так удивляться. Говорят, ты стал таким бессердечным, что ешь щенят и младенцев на завтрак. – Ее голос зазвенел так, что на них уставились из-за соседних столиков. – Тебе еще повезло, что никто не подсыпал тебе яду в еду. Пока.

– Значит, пора нанимать человека, который будет пробовать мою еду.

Честно говоря, Рейф подзабыл, какой острый у нее язычок, но теперь откровенно наслаждался этим. Мало кто осмеливался восстать против него; все предпочитали пресмыкаться перед ним в надежде получить подачку.

Его память тут же напомнила, что ее язычок был хорошо приспособлен не только для приятной беседы.

– Найти его не составит труда, ведь столько народу останется без работы, когда ты закроешь фабрику. – Она щелкнула пальцами и солнечно улыбнулась, как будто ей в голову пришла отличная идея: – Слушай, может, по дружбе подкинешь моим родителям какую-нибудь работенку, поскольку, скорее всего, они первые вылетят?

Когда Рейф уехал и начал работать над собой, выковывая нового человека, он мечтал о том, как однажды въедет в город на пресловутом белом коне и спасет Сару из когтей бедности. Отличный план, вот только она почти сразу выскочила замуж за другого, позабыв их бессмертную любовь. Тот парень умер три года назад, но факта это не меняло. Да, конечно, вернувшись, Рейф не рвался увидеться с ней снова, потому что откуда он знал, захочет ли Сара видеть его?

Сара замолчала, задыхаясь, но всего на мгновение.

– Что, нечего сказать в свою защиту? Ты можешь обмануть кого-то, прикрываясь своим липовым благотворительным фондом в честь твоей матери. – Она покачала головой. – Но меня ты не обманешь. Неужели твое желание отомстить Рональду Уорту такое сильное, что стоит так много искалеченных жизней?

Рейф немного помолчал, удивленный, что ему бросают такой неприкрытый вызов. Честно говоря, большинство ее обвинений были справедливыми: он действительно приехал, чтобы отомстить, собирался закрыть фабрику и лишит людей работы, как когда-то работы лишили его родителей. Конечно, фабрику можно было попытаться вернуть к жизни, но на это требовалось столько средств и ресурсов... Рейф ни за что не поднялся бы так высоко, если бы давал волю сантиментам. И да, ему хотелось утереть нос Уорту.

Но его мать Сара упомянула зря. Рейф начинал злиться.

– Это бизнес, Котенок.

– Не смей меня так называть! – Она так сжала кулаки, что побелели костяшки.

Ее гнев воспламенил и Рейфа.

– Но это так о многом мне напоминает. Вспомни, как ты...

Сара топнула ногой:

– Никогда бы не подумала, что ты превратишься в такого самодовольного, наглого мерзавца!

– Говори громче, по-моему, на другом конце зала тебя не слышно.

– А тебе-то какая разница, что о тебе подумают? Какая тебе разница, если я потеряю работу? – Она наконец перестала сдерживаться, и женщины за соседним столиком слушали, уже не скрываясь. – Скажи, ты помнишь, каково это – работать за минимальную зарплату? Жить от получки до получки, не смея заболеть, потому что неделя пропусков – и ты потеряешь все?

Все разговоры в зале прекратились, только из кухни неслось приглушенное звяканье крышек.

– Сара, возможно, нам стоит поговорить где-то, где нас не услышат?

– Ах, теперь, значит, ты захотел со мной поговорить? После пяти месяцев полного пренебрежения? После четырнадцати лет, в течение которых ты не удосужился даже открытку прислать? Знаешь... Да пошел ты. Прости, что вывалила на тебя такую нелюбезную правду.

Он открыл рот, чтобы немного ее остудить, но тут вдруг осознал нереальность происходящего. Бесстрашная Сара не дрогнула перед ним ни на минуту, перед ним, от одного вида которого дрожали влиятельные бизнесмены. Смех сам собой выполз наружу.

– Черт возьми, Рейф, не смей смеяться надо мной!

Лицо Сары вспыхнуло, но Рейф только рассмеялся громче. К его столику поспешно подошел человек с бейджиком менеджера и встревоженным выражением на лице.

– Все в порядке, мистер Кэмерон?

– В полном, – ответил Рейф, справившись со смехом, но все равно улыбаясь до ушей. – Мы с мисс Ричардс просто болтаем.

Менеджер повернулся к Саре:

– Мисс Ричардс, на болтовню у вас есть ваше личное время.

– Конечно, – сухо сказала она и повернулась к Рейфу: – Приношу извинения за то, что напрягла ваши барабанные перепонки. Могу я для начала предложить вам что-нибудь выпить?

– Нет нужды в извинениях... – Рейф не удержался и добавил: – Котенок.

Ее глаза сузились, а грудь медленно поднялась и опустилась, когда она глубоко вздохнула. Это напомнило ему о первой ночи, когда он увидел ее обнаженную грудь в лунном свете. Случилось это на заднем сиденье его машины, после того как им пришлось уйти с выпускного, потому что у них не было денег на продолжение. Рейфа тогда замучил стыд, но Сара заверила его, что ей все равно, и в следующую секунду спустила с плеч бретельки платья. Он помнил запах букетика на ее запястье, помнил, как она со вздохом впиалась ногтями ему в спину, и то, что она оказалась пьяной, потому что кто-то подлил спиртного в пунш, и Рейф отвез ее к себе и напоил кофе.

– Да, пожалуй, я закажу что-нибудь, пока жду Чейза.

Сара подозрительно широко улыбнулась, но он был так поглощен воспоминаниями, что не заметил ничего странного. Она указала на серебряную тележку:

– Чай со льдом? Или, может быть, кофе?

– Чай, спасибо.

Ему и без этого было невыносимо жарко.

– Сию секунду.

Она взяла с тележки графин, полный янтарного чая и прозрачного льда. Рейф подставил ей стакан.

– Спасибо.

– Не за что.

Искры в зеленых глазах слишком поздно напомнили ему, что Сара Ричардс так просто не сдастся. Он должен был стряхнуть оцепенение, заметить, что что-то надвигается! С неподвижным лицом она подняла графин...

И аккуратно вылила его содержимое прямо Рейфу на колени.

Глава 2

Рейф отпрянул, опрокидывая стул. Ему удалось избежать прямого попадания, но часть жидкости все-таки достигла цели, и холодные брючины прилипли к ногам, как мокрая глина.

С годами Сара не потеряла способности удивлять. Немногие отваживались даже спорить с ним, и такое неожиданное поведение с ее стороны даже понравилось ему. Посмеиваясь, он стряхнул капельки с бедер. Вокруг них уже собрались зеваки, и менеджер бежал к ним, красный как рак. Рейф поднял руку, останавливая его, и легонько махнул ею, прогоняя. Он был уверен, что тот послушается: вряд ли он был таким же смелым, как Сара.

Прямо перед ним стояла женщина, о которой он не мог забыть четырнадцать лет, которая тогда могла поставить под угрозу его амбициозные намерения. И время ничуть не остудило его влечение к ней. Он рассмеялся снова, теперь уже над собой. Жизнь вдали от нее плохо влияла на него.

Сара бухнула графин на столик, излучая гнев.

– Думаешь, это смешно?

Рейф подошел к ней и сказал, почти касаясь губами ее уха, чувствуя аромат ее травяного шампуня:

– Думаю, я тебя достал.

Шум зала куда-то уплыл. Грудь Сары вздымалась и опадала с каждым вздохом, зрачки почти полностью скрыли радужку. Когда-то он мечтал, что однажды увешает ее изумрудами и займется с ней любовью, не снимая украшений. Он не любил оставлять незаконченные дела и нереализованные планы, но воплощение в жизнь этой мечты, похоже, не принесет никакого удовольствия. Поэтому он и избегал так старательно теннисного клуба вообще и Сары в частности. Ему не нужны были отвлекающие факторы, особенно сейчас, когда он так близко подобрался к осуществлению своей мести Рональду Уорту.

Рейф отвел от Сары взгляд и взял пиджак, висящий на спинке стула.

– Упакуй нам с собой два ваших специальных ланча. Я тороплюсь.

– Буду рада услужить. – Она напряженно улыбнулась.

– И пожалуйста, закрой поплотнее мой стакан с чаем. – Он не смог удержаться от подколки. – Мне как-то страшновато становится, когда я вижу тебя с открытой емкостью.

– Скажи спасибо, что я не выбрала кофе, – процедила она сквозь зубы.

Рейфа удивило, что ее гнев так силен. Наверное, с «Котенком» он перегнул палку, и то, что он не может удержать себя в руках, шокировало его, а то, что они будили друг в друге такую огненную страсть, немного испугало. Он вздрогнул, почувствовав прикосновение к плечу.

Чейз смотрел на его брюки, не скрывая изумления. Ярость на лице Сары сменилась выражением ужаса, когда она осознала, что натворила. Она молча развернулась и бросилась к дверям кухни мимо взволнованного менеджера, на ходу срывая фартук.

– Чейз, – сказал Рейф, отрывая взгляд от мотающихся на петлях дверей, – боюсь, что нам придется отложить окончание нашего совещания. Мне надо переодеться, как видишь.

Чейз был не только его сводным братом, но и контролировал расходы Рейфа и помогал ему вести дела. Они стали братьями, когда четырнадцать лет назад отец Рейфа женился на матери Чейза. Под одной крышей они не жили, но общие родители породили некий здоровый соревновательный дух, благодаря которому они оба смогли выбраться из бедности.

Чейз тоже надел пиджак.

– Что, черт возьми, случилось? Ты опрокинул на себя чай?

– Что-то вроде.

Двери кухни опять притянули его взгляд.

Он не имел обыкновения сидеть и жалеть о несделанном, предпочитая двигаться дальше и строить свое будущее, но сейчас он очень жалел об одном – что ни разу не переспал с Сарой Ричардс.

На следующий день Сара стояла на своей кухне, бесконечно складывая и разворачивая полотенце, пока ее бабушка расфасовывала фарш в пакетики для заморозки. Отдельные порции для одиноких трапез. Ее родители и бабушка часто приглашали ее к себе или сами заходили, как сегодня, но никто и ничто не могло заменить ей теплую компанию ее мужа.

Сара и Кет поужинали и обсудили последние детали грядущего празднования шестидесяти пятого дня рождения Кет, но бабушка все не уходила, помогая Саре с мелкими делами по дому. Сара хотела убедить ее, что она в порядке, но этим вечером тоскливое одиночество ощущалось ею особенно остро. Она молча работала вместе с бабушкой, пытаясь не думать о своем сегодняшнем всплеске. Менеджер отпустил ее после обеда, чтобы она остыла; она достаточно давно работала в ресторане, чтобы не быть моментально уволенной, если только Рейф прямо не потребует этого. Впрочем, вряд ли он станет мстить за такие мелочи, к тому же он рассмеялся...

Чертов Рейф!

Сара швырнула полотенце в корзину с грязным бельем.

– Не могу поверить, что он просто так закроет фабрику и оставит сотни людей без работы.

Кет положила в пакет идеально круглую котлетку.

– Полагаю, ты имеешь в виду Рейфа Кэмерона?

– А кого еще? – Сара отпихнула плетеную корзину в сторону. – Даже моих родителей, которые всю сознательную жизнь проработали на фабрике, выкинут вон. Бабушка Кет, неужели тебя это не задевает? Ты ведь сорок лет работала на Рональда Уорта, неужели тебе не больно видеть, как он уничтожает фабрику, как рушит жизни?

Ее родители были уже слишком старыми, чтобы искать новую работу. Они так много отдали фабрике, работая сверхурочно, чтобы обеспечить семью крышей над головой. Слава богу, что у них была бабушка Кет, иначе маленькой Саре было бы очень одиноко.

– Конечно, меня это расстраивает, милая. – Кет сложила пакетики в контейнер и закрыла его крышкой. – Я знаю в лицо всех людей, кто достаточно долго работал на фабрике. Мысль о том, что они останутся без работы, разбивает мне сердце.

Сара думала, что ее сердце разбилось раз и навсегда, когда после выпускного Рейф уехал, оставив ее. Потом она потихоньку склеила свою жизнь, вышла за Квентина, создала домашний очаг, о котором всегда мечтала. А потом у нее случилось несколько выкидышей, погиб Квентин, и все рухнуло снова. После этого она решила, что ее душа в таких мозолях, что никакая боль ей больше не страшна. Она ошиблась.

Ее глаза наполнились слезами; ее идеальная кухонька расплылась, и она присела на столешницу. Так много сил было вложено в это место. Квентин выкрасил стены в белый цвет, а Сара сшила пестрые занавески и покрасила стулья яркими красками...

– Не могу поверить, что это действительно происходит. – Она провела рукой по глазам, опасаясь внимательного бабушкиного взгляда. – Я знаю, что Рейф винит Уорта в смерти своей матери, но так долго помнить обиду, особенно если нет прямых доказательств...

Кет встала и положила контейнер в морозилку.

– Он был просто убит смертью Ханны.

Когда они уже доучивались в школе, отец Рейфа решил жениться вторично, и Сара надеялась, что Рейф тоже смирился со своим горем. Когда она узнала о благотворительном фонде «Надежда Ханны», основанном Рейфом и помогающем неграмотным людям, она подумала, что все окончательно наладилось. Теперь она сомневалась, что это было на самом деле

– искренняя попытка примириться со своим прошлым или хитрый ход, призванный отвлечь всеобщее внимание от манипуляций с фабрикой.

– Ты думаешь, что в ее смерти все-таки виновата работа на фабрике?

– Я не знаю, кого или что винить в ее трагической смерти. – Кет медленно откинулась на спинку стула: начальная фаза артрита была единственным напоминанием о ее возрасте. – Тридцать лет назад, когда Ханна работала на фабрике, требования безопасности были совсем другими. К тому же она умерла через четырнадцать лет после увольнения... Трудно судить теперь.

– А как же мама с папой?

– Я точно знаю, что у Рональда Уорта были определенные стандарты безопасности. Соблюдались ли они? Не знаю. Уорт много о чем жалеет, и большей частью о своей личной жизни. Мне очень не хочется, чтобы Рейф повторял его ошибку, смешивая личную жизнь и дело.

Сара перегнулась через стол и сжала руку бабушки:

– Ты должна ему об этом сказать.

Кетлин удивленно посмотрела на нее:

– Почему ты решила, что он меня слушает? Если помнишь, мы расстались не лучшими друзьями.

Сара отпустила ее руку:

– А ты думаешь, мы расстались по-хорошему?

– Верно. Вы всегда будили друг в друге сильные эмоции. – Взгляд Кет стал пронизывающим. – Мне кажется, ты и сейчас неровно дышишь к нему. И ты единственный человек, способный донести до Рейфа, что его позиция – в корне неверная и вредная.

Эти слова почему-то повергли Сару в шок, хотя она знала, что бабушка пришла к ней с целью убедить использовать прошлые отношения с Рейфом на благо всем.

– Бабушка, ты ведь не думаешь, что я смогу изменить его решение закрыть фабрику, соблазнив его? – Ее рассудок и сердце в ужасе отшатнулись от этой мысли, но по телу побежали мурашки при воспоминании о прикосновениях Рейфа. – Ты переоцениваешь мои способности.

– А может, это ты себя недооцениваешь? Не в этом суть. – Кет покачала головой. – Я бы в жизни тебе такое не предложила. Я имела в виду, что четырнадцать лет назад между вами была особая связь.

– Так, подожди. – Сара подняла руку, думая, что ослышалась. – Насколько я помню, ты делала все возможное, чтобы разлучить нас.

Кет фыркнула:

– Я делала все возможное, чтобы ты не забеременела до окончания школы, как я и твоя мать в свое время.

Сара с трудом удержалась, чтобы не поморщиться от упоминания о детях. Бабушка не знала о ее выкидышах, так что винить ее за то, что она подняла эту тему, было нельзя. Первый выкидыш случился еще до того, как они сказали кому-то, что она беременна; во второй раз они умышленно не хотели никому говорить, пока не начнется второй триместр. Он так и не начался.

Было время, когда Сара боялась, что ее ослепляющая страсть к Рейфу приведет к беременности; потом она мечтала выносить его ребенка; теперь она знала, что у нее никогда не будет детей.

– Что ж, ты добилась своего: вопреки твоим подозрениям, мы ни разу не зашли так далеко.

Ее школьные друзья думали, что они с Рейфом спят, но Сара не хотела спешить: может, ждала свадьбы, может, уже тогда чувствовала, что их отношения обречены.

Кетлин подняла брови:

– Правда? Ты меня удивила. Вы постоянно старались остаться вдвоем.

– Мы же были подростками, которые к тому же работали после школы и имели в нагрузку бабушку с орлиным зрением, вечно дышащую нам в спины.

– Увы мне. – Кетлин подвинула солонку к перечнице. – Я-то думала, что свидания – это походы в кинотеатр под открытым небом, а не проникновения в спальню по дереву, растущему рядом с домом.

Сара задохнулась:

– Откуда ты знаешь?!

Кет ухмыльнулась:

– А я и не знала – до этой минуты.

Сара откинулась на спинку стула. Рейф второй раз ломал ей жизнь.

Кет сказала:

– Я просто хотела, чтобы ты была осторожнее. Я видела, что между вами происходит что-то очень сложное, с чем вы еще не могли справиться сами.

– Ты ошибалась. – Даже сейчас было больно вспоминать о том, как бездарно все закончилось. – Мы разбежались и четырнадцать лет даже не разговаривали.

– Судя по тому, что сегодня произошло, у вас есть о чем поговорить.

Сара сжала губы. Что она могла сказать, кроме того, что согласна? Но Рейф даже не соизволил хоть как-то дать знать о себе после возвращения. Боже, она была ужасно зла на себя, что вот так сорвалась, показывая ему, что ее чувства к нему – особенно злость и обида – никуда не делись. Особенно плохо было то, что он-то сам, по всей видимости, давно забыл про то, что между ними было.

Кетлин ласково взяла ее за руку:

– Всеу в жизни свое время. Сейчас у тебя есть шанс попробовать начать сначала с Рейфом и одновременно помочь фабрике. Поговори с ним.

Вряд ли Сара смогла бы отказаться от такого шанса, особенно когда бабушка так все расписала. Сара думала, что ее сердце полностью скрылось под рубцовой тканью, но теперь чувствовала знакомый трепет в груди. Что и говорить, Рейф до сих пор был способен одним взглядом разбудить в ней вулкан, даже если теперь он стал одним из заносчивых снобов, которых всегда презирал.

Тем осторожнее ей надо быть при общении с ним.

* * *

Сара стояла у двери кабинета Рейфа в здании «Уорт индастриз» – теперь «Кэмерон энтерпрайзес» – и ждала, пока его секретарша проверила, может ли он принять ее. Переоборудованное в стиле хай-тек помещение выглядело дорогим, современным и безопасным. Оно отличалось от дома Сары настолько, насколько могут различаться два помещения.

Когда они были подростками, Рейф часто говорил ей, что когда-нибудь весь этот город будет принадлежать ему и он построит себе дом больше и лучше, чем особняк Рональда Уорта. Сара верила, что он добьется успеха, но никогда бы не подумала, что он станет настолько успешен. Она даже представить не могла, как ему удалось забраться так высоко. Впрочем, Рейф всегда работал усерднее и больше всех в городе; часто у него не оставалось времени даже на нее.

Неудивительно, что он бросил ее и уехал. Даже если бы они поженились, то виделись бы очень редко, Сара становилась бы все несчастнее и в конечном итоге их брак развалился бы, едва зародившись.

Она понимала, что он принял правильное решение, но ей все равно было больно.

Дверь его кабинета открылась, и Сара подпрыгнула от неожиданности. Пожилая женщина, одетая в идеально сидящий, без единой складочки костюм, молча, знаком предложила ей войти, и Сара почувствовала себя неловко в своем простом платье. Ее сандалии беззвучно ступали по толстому ковру.

Рейф стоял спиной к ней у огромного сияющего чистотой окна, из которого открывался чудесный вид на Виста-дель-Мар и сверкающий между пальм Тихий океан. Домики простых горожан вроде Сары сгрудились по одну сторону от наблюдателя, по другую раскинулись роскошные обиталища представителей верхних слоев общества. Сара слышала, что Рейф купил дом среди них за три с половиной миллиона долларов. Интересно, что он чувствовал, наконец стоя в бывшем кабинете Уорта и имея право назвать его своим?

Какая-то часть ее не могла не радоваться тому, чего он достиг. Конечно, он разбил ей сердце, но она ведь любила его. Эти остаточные чувства должны помочь ей сдержать свой необузданный темперамент во время их разговора.

Сара чувствовала: он знает, что она здесь, но он не повернулся к ней, поэтому она терпеливо ждала, когда он соизволит заметить ее. Честно говоря, она была даже рада возможности спокойно рассмотреть его, не опасаясь, что он как-то не так истолкует ее взгляд или прочтет в нем так и не умершую до конца привязанность. Его костюм, подчеркивающий достоинства фигуры, был из такого хорошего материала, что не нужно было прикасаться к нему, чтобы почувствовать его мягкость. Все в облачении Рейфа, от запонок с гравировкой до туфель из мягкой кожи, было дорогим и качественным, это было заметно невооруженным глазом.

Наконец Рейф махнул рукой, подзывая ее. Желудок Сары сжался, когда она встала рядом с ним. Ее сандалии выглядели очень неестественно рядом с его туфлями на дорогом ковре. Она невольно вспомнила, как они танцевали на пляже босиком – вечность назад.

Она кашлянула, пытаясь собраться с мыслями.

– Хочу извиниться за инцидент в ресторане. Я не должна была так поступать. Я предложила бы оплатить ущерб, но Рейф, которого я помню, ни за что не позволил бы мне оплачивать что-то дороже бутылки содовой.

Рейф так и не посмотрел на нее, не отрывая взгляда от вида за окном.

– Ты извиняешься за то, что сделала, но не за то, что сказала?

Похоже, облегчать ей задачу он не собирался. Когда-то ей было бы достаточно просто начать гладить его по голове, пропуская пряди густых волос сквозь пальцы, и скоро он сбросил бы угрюмую маску и повернулся бы к ней.

Сара попробовала начать еще раз:

– Прости, что накричала на тебя на глазах у посетителей.

– И снова извиняешься за то, как и где ты сказала, но не за свои слова.

Отлично. Они меньше минуты вместе, а в ней уже начинает klokотать гнев. Похоже, сохранить достоинство не получится.

– Почему ты игнорируешь меня с самого своего возвращения?

– Я не думал, что ты захочешь видеть меня, – просто ответил он. – Разве не это ты сказала в нашу последнюю встречу? «Я выхожу из машины, и не смей идти за мной. Я позвоню бабушке и попрошу забрать меня. Я серьезно. Видеть тебя больше не хочу». Как-то так.

Именно так, дословно. То, что они оба это помнили, поразило ее.

– Мне было восемнадцать, я была донельзя взволнована. – Все это она сказала из страха и еще в надежде, что он все равно пойдет за ней. Она ошиблась. – Теперь мы взрослые люди.

– Ты права. – Он наконец повернулся к ней. Его лицо было знакомым, но оценивающее выражение голубых глаз – новым и тревожащим. – Давай перейдем к делу. Зачем пришла?

Сара вскинула подбородок. Она не даст ему запугать себя.

– Я хочу загладить свою вину. Как насчет домашнего ужина?

Он подозрительно прищурился:

– Ты приглашаешь меня поужинать с тобой?

– В память о былой дружбе. – В первую очередь она должна была помочь своей семье, и потом, ей самой хотелось избавиться от гнетущего ощущения, оставленного их прощанием. – Протягиваю тебе оливковую ветвь, объявляю перемирие.

– У тебя?

– Да, у меня в семь. – После смерти Квентина никто, кроме родных, не переступал порог их дома. Сара тяжело сглотнула, пытаясь успокоить рвущееся сердце. – Мне, конечно, далеко до шеф-поваров дорогих ресторанов, но у меня хороший задний двор, и барбекю я готовить умею. В память о былой дружбе, – повторила она.

Повинуясь внезапному порыву, она протянула ему руку и застыла в глупом ожидании, что он примет ее, и в страхе, что оттолкнет.

Рейф вытащил руку из-за спины и сжал ее ладонь. Его пальцы нашли обручальное кольцо, которое после смерти Квентина она стала носить на правой руке, и ей показалось, что большой палец Рейфа сильнее надавил на серебряный ободок.

Сара очень любила Квентина. Она не испытывала к нему такого бешеного влечения, как к Рейфу, но ей очень не хватало их спокойной, уютной жизни, которую они кропотливо создавали каждый день. Так почему же ей так хотелось сжать руку Рейфа и притянуть его к себе? В его глазах мелькнуло что-то, но оно исчезло так быстро, что Сара не поняла, что конкретно это было. Тепло его ладони осталось с ней, даже когда он выпустил ее руку из своей.

– Тогда увидимся в семь.

– Отлично. – Она попятилась, пытаясь не глядя нащупать ручку двери. – Наконец-то у нас будет шанс все обсудить.

Она нашла ручку и с облегчением выдохнула. Все прошло лучше и легче, чем она ожидала. Может, и вечером ей придется не так тяжело?

– Сара.

Она остановилась как вкопанная. Ее натянутые нервы тоненько пели, когда она посмотрела через плечо:

– Что?

– Я бы предпочел чизбургер, а не барбекю.

Его самодовольная ухмылка достаточно ясно сказала ей, что он знает, какие воспоминания его замечание вызовет в ее памяти. Та ночь, когда он влез к ней в спальню через окно, их пикники на пляже и короткие, урывками, свидания... Значит, Рейф помнил все так же хорошо, как она. Что ж, четырнадцать лет назад Сара поверила, что он не сделает ей больно, а он разрушил ее жизнь. На сей раз она не будет такой наивной. Она сразу узнала этот голубой огонь в его глазах: точно так же его глаза горели, когда он шептал ей, как хочет войти в нее. Этот же огонь воспламенил ее кровь, но она устояла тогда, когда любила Рейфа; во что бы то ни стало она устоит и сегодня.

Глава 3

Рейф оперся о стол, глядя, как Сара покидает его кабинет. То, что она пригласила его поужинать, подумал он, совсем не значит, что она хочет возобновить их отношения. Деловое чутье подсказывало ему, что ее цель – убедить его сохранить то, что осталось от фабрики Уорта. Что ж, жаль ее разочаровывать, но придется. Она не смогла отговорить его от мести тогда, не сможет и сейчас. Впрочем, ему было интересно, как далеко она пойдет, пытаясь переубедить его.

Подол платья Сары обернулся вокруг ее стройных ног, когда она проскользнула в дверь, открытую входящим Чейзом. Тот вежливо кивнул и уставился на Рейфа, подняв брови и не скрывая любопытства. Спасибо, что хоть дождался, когда Сара дойдет до лифта, прежде чем начать забрасывать Рейфа вопросами.

– Что она тут делает? Мне показалось, что она уже все сказала в ресторане.

Рейф закрыл дверь, вдыхая медленно растворяющийся в воздухе травяной запах.

– По всей видимости, не все.

– Ну, по крайней мере, на этот раз тебе удалось остаться сухим. – Чейз уселся в кресло рядом с диваном и бросил портфель на кофейный столик. – Собираетесь вспомнить молодость?

Рейф сел напротив Чейза, чтобы не начать бегать по комнате, показывая, насколько его взволновал один-единственный визит Сары.

– То, что ты тонешь под тяжестью обручального кольца, не дает тебе права тащить за собой всех остальных.

Деловой азарт объединял Рейфа и Чейза, но личная жизнь одного разительно отличалась от личной жизни другого. Рейф встречался с деловыми женщинами, у которых свободного времени было не больше, чем у него, и не обременял себя серьезными отношениями. До недавнего времени известный плейбой, Чейз теперь вел оседлую жизнь счастливо женатого человека и гордого будущего отца.

Чейз рассеянно потер пальцем обручальное кольцо:

– Я помню, как ты сходил с ума по Саре. Каждый раз, как я навещал маму, я все меньше узнавал тебя.

– Это было давно. – Тогда он любил ее, по крайней мере, ему так казалось. Он и теперь чувствовал некоторое влечение к ней, но ничего серьезного. – Сейчас все по-другому.

– Я бы так не сказал, глядя на вас в ресторане. Искры так и летели во все стороны.

– Это я слетел со стула, когда она облила меня чаем.

Чейз хихикнул:

– Незабываемое зрелище.

– Рад, что ты доволен. – Рейф положил руку на портфель, лежащий на столике. – Может быть, уже можно прекратить обсуждать мою личную жизнь и заняться делами?

– Она свободна, ты свободен. – Чейз едва удостоил взглядом графики, которые Рейф разложил перед ним. – Что мешает тебе посмотреть, куда ведут эти искры?

– Ты меня не услышал, брат мой? Мы здесь, чтобы работать.

– Все равно надо дождаться Престона и Таннера.

Оба входили в узкий круг особо доверенных лиц Рейфа. Рейф покосился на Чейза:

– Ты сегодня невыносим.

– Да ты тоже не подарок. Я думаю, мы оба знаем, откуда растут ноги у твоего плохого настроения. – Чейз наклонился к нему, упершись локтями в колени. – Ты так бесишься, потому что она все еще тебе безразлична.

Чейз был единственным, кто мог бы сказать такое Рейфу, не опасаясь, что тот сразу начнет все отрицать, и он попал в точку.

– Мы встретимся сегодня за ужином. Можно теперь немножко поработать?

– У вас свидание? Куда ты ее поведешь? Я слышал, что у Жака у тебя постоянно зарезервированный столик.

Упоминание о дорогом французском ресторане еще сильнее испортило Рейфу настроение. Когда они с Сарой встречались, он хотел сводить ее туда на День святого Валентина, но потом коммунальная служба пригрозила отключить им электричество, и Рейф оплатил счета деньгами, отложенными на этот случай. Пришлось обойтись без ресторана, но Рейф не мог поступить иначе: почти все деньги, которые зарабатывал отец, даже три года спустя после смерти матери шли на оплату счетов за ее лечение. Невеста отца приготовила еду для Рейфа, и он устроил Саре пикник на пляже, но он до сих пор скрипел зубами от досады, вспоминая, как мало мог дать Саре тогда.

– Я думал, ты мой менеджер по финансам, а не личный консультант.

– Я твой брат и друг. – Взгляд взрослого Чейза мог парализовать не хуже удара по шее, которыми они щедро обменивались, когда были детьми. – Я знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было. Даже твой старик не знает половины из того, что знаю я. В последнее время ты страшно напряжен, и это мне не нравится. Что плохого в том, что я хочу, чтобы ты был счастлив?

– Как только переход фабрики в мои руки завершится, я буду очень счастлив.

Чейз открыл рот, но тут в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Рейф.

Ему так хотелось поскорее закончить этот разговор, что ему было все равно, кто там. К счастью для него, за дверью оказались Престон и Таннер. Макс Престон, его всемогущий специалист по связям с общественностью, образованный, хорошо воспитанный человек из обеспеченной семьи, никогда не полагался на благосостояние своих родителей. Его непреклонное стремление к победе и сильная воля, казалось, могли справиться с любым кризисом. Скоро он должен был оставить Рейфа и посвятить себя благотворительной деятельности, но, пока он был здесь, Рейф намеревался извлечь из его присутствия всю выгоду, какую только сможет. Следом за Чейзом вошел Уильям Таннер, финансовый директор «Кэмерон энтерпрайзес». Этот новозеландец относился к делу почти так же серьезно, как сам Рейф, поэтому тот был особенно заинтересован привлечь его к работе на свою фирму и добился этого.

Переключаясь на рабочий режим, по крайней мере внешне, Рейф запустил презентацию. Однако его мысли были далеки от работы: ими владела Сара. Вместо слайдов с графиками и диаграммами Рейф думал о предстоящем ужине, предвкушение встречи с ней не давало думать о чем-то другом. Мечты о ней не оставляли его все четырнадцать лет, которые они провели вдали друг от друга, и Рейфу это не нравилось; пора было всерьез думать, как искоренить мысли о ней, все до одной.

Когда в дверь позвонили, Сара вытерла руки, бросила взгляд на диванные подушки, носком туфли поправила коврик, хотя все и так было идеально. Конечно, ее дом был в разы скромнее того, в котором теперь жил Рейф, но Сара гордилась каждым квадратным футом своего жилища, за которым тщательно ухаживала.

Снова раздался звонок; она пинком отправила полотенце под диван и открыла дверь. Рейф стоял на крыльце рядом с высоким кактусом в горшке. На нем были джинсы и черная рубашка-поло, которая стоила, наверное, больше, чем Сарин диван. Однако менее формальный стиль делал его облик проще, и он напомнил ей о юноше, которого она знала когда-то. Впрочем, в дневной щетине и отличном заде, обтянутом голубыми джинсами, не было ничего мальчишеского. Интересно, что он подумал, увидев ее топик и шортики? Она не стала особенно наряжаться к ужину, чтобы он не решил, что ей есть до него дело, но ее гордость требовала, чтобы он хотя бы немного пожалел, что бросил ее.

– Входи. – Ее голос прозвучал хрипло, и она откашлялась, прежде чем продолжить: – Ужин почти готов, надо только мясо пожарить.

Когда Рейф вошел, Сара заметила у него в руке букет. О черт! Ее желудок подпрыгнул, и она вспомнила все букеты, которые он дарил ей, когда они встречались. Тогда у него было немного денег, но он всегда находил деньги на цветы. Сегодня он принес ей орхидеи, розовые с фиолетовыми крапинками, такие красивые, что от желания зарыться в них носом у нее зачесались руки.

– Спасибо, – коротко сказала Сара, внезапно почувствовав неуверенность в том, что приглашать Рейфа к себе домой и оставаться с ним наедине было хорошей идеей.

И зачем она позволила бабушке уговорить себя?

Прижимая дорогие цветы к груди, Сара посмотрела на свое жилище глазами Рейфа. Наверняка одна его спальня размером с ее дом... Минуточку, почему она подумала про спальню?

Рейф молча прошел за ней на кухню. У них никогда не было недостатка в темах для разговоров, не хватало только времени наговориться. Теперь же ее язык словно прирос к нёбу. Она налила воды для цветов в большую кружку: ваз у нее не было. Они с Квентином тратили все лишние деньги на обустройство дома, к тому же он редко дарил ей всякую ерунду вроде цветов и конфет. Он дарил ей новые окна, мебель... Они купили этот дом в надежде, что в нем будет жить полноценная семья. Они перекрасили все стены собственноручно, кроме второй спальни, которую намеревались сделать детской. Зачем красить ее в один цвет, чтобы потом, когда появится ребенок, перекрашивать в другой?

Однако за девять лет совместной жизни ребенок так и не появился. Они ездили к специалисту, чьи консультации вытянули все их сбережения, но ничего не помогло: три выкидыша в течение первого триместра. Последний случился после того, как погиб Квентин.

Вода полилась через край; ахнув, Сара осторожно переложила цветы в никелированное ведерко – подарок Квентина на годовщину. Плохо, что ей не удалось уследить за эмоциями в присутствии Рейфа. Она постаралась придать лицу беспечное выражение и повернулась к нему:

– Давай выйдем во двор. Сегодня такая хорошая погода.

– Показывай дорогу.

Звук его шагов по чисто вымытому линолеуму и камням дорожки отдавался у нее в ушах, пока они шли к огороженному деревянным заборчиком саду. После смерти ее мужа и третьего нерожденного ребенка Сара посвятила себя обустройству сада. Квентин был хорошим плотником, но работать с землей у него получалось плохо. Сара не смогла продать дом, но почувствовала нестерпимое желание создать что-то живое в этом мире, полном смерти. Она начала с неприхотливых цветов и кустов, потом, когда они прижились, добавила цитрусовые деревья, которые дадут тень.

Она поставила орхидеи на круглый столик, накрытый для двоих. Рейф медленно прошелся по саду, осмотрелся, присвистнул:

– Потрясающе.

– Квентин любил работать в саду.

Ложь далась ей легко: она хотела посмотреть, как Рейф отреагирует на упоминание о ее муже. Рейф замер и перевел взгляд с фонтана на Сару:

– Соболезную.

Множество людей говорили ей это, но в устах Рейфа эти слова ощущались почти физически.

– Ты немного запоздал с соболезнованиями.

– Ты ждала, что три года назад я подам признаки жизни?

Она ждала, что он подаст признаки жизни четырнадцать лет назад. Она ни за что бы не подумала, что одна-единственная ссора может уничтожить все, что между ними было. Она ждала, что он напишет ей хоть словечко или позвонит, ждала целый год, прежде чем окончательно отчаяться и попытаться начать двигаться дальше. Однако ему совсем не обязательно знать об этом.

– Твой отец и Пенни подали признаки жизни, даже пришли на похороны.

Сара чувствовала, как сделавший всего шаг к ней Рейф обнимает ее взглядом, гладит, трогает.

– Ты слишком молода, чтобы быть вдовой.

Она обхватила себя руками, словно защищаясь:

– Никогда не бываешь готов к тому, чтобы терять любимых.

– Значит, ты его любила, – сказал он бесцветным голосом, с ничего не выражающим лицом.

– Я вышла за него замуж. – Сара отвернулась от его пытливого взгляда и включила электрогриль. – Если бы не любила, не вышла бы.

– Подростки часто непостоянны в этом вопросе.

Сара посмотрела на Рейфа через плечо:

– Не стоит бросать мне тонкие намеки. Если тебе есть что сказать, просто скажи прямо. Я знаю, что это не ревность; скажи мне, в чем дело?

Рейф подошел совсем близко и взял с ледника контейнер.

– Ты пригласила меня, – сказал он, передавая ей котлеты, – чтобы накормить чизбургерами.

Сара выхватила контейнер у него из рук, чувствуя, как гнев снова разгорается в ней, несмотря на все попытки сохранять спокойствие. Рейф смотрел на нее так спокойно, словно они были просто старыми друзьями, собравшимися весело провести время. Что ж, так могло быть, если бы он связался с ней после возвращения. Она могла бы сделать вид, что все нормально, прошлое быльем поросло, но то, что он пять месяцев игнорировал ее, живя с ней в одном городе, разбередило уже почти зарубцевавшиеся шрамы.

– Да, я любила его. И тебя до него тоже любила. Что с того? Ты уехал из города, позволив одной несчастной ссоре уничтожить наши отношения. Что мне оставалось делать? По-твоему, я должна была всю жизнь прожить в мыслях о тебе? Я осталась дома, но это не значит, что я застыла на месте во всех остальных смыслах.

Он кивнул и улыбнулся, хотя глаза у него были не слишком веселые.

– Тебе всегда хорошо удавалось поставить меня на место.

– Кто-то же должен, – пробормотала она, укладывая котлеты на гриль; мясо затрещало.

Рейф сел за стол, вытянув перед собой ноги.

– Ты за этим меня пригласила?

Сара постаралась не смотреть на эти длинные, стройные ноги.

Черт, как она могла так легко отвлечься от своей истинной цели? Усилим воли уняв бушующий внутри огонь, Сара осторожно села напротив Рейфа. Если она не справится с собой как можно быстрее, есть риск, что они так и не доберутся до разговора о персонале фабрики.

– Вообще-то я хотела поговорить об «Уорт индастриз».

– Теперь фабрика называется по-другому.

– Да-да, конечно. Именно о покупке я и хотела поговорить. Рейф, ты всегда был амбициозным, но тот, кого я когда-то знала, вовсе не был бессердечным. Не обязательно уничтожать фабрику. Производство, конечно, очень замедлилось, но его вполне можно восстановить в прежних объемах, просто надо подумать немного. – Она наклонилась к нему, протянула к нему руку. – Человек, основавший «Надежду Ханны», не может так поступить с рабочими. Что на самом деле происходит?

– Фабрика не соответствует современным стандартам. – Его рука скользнула навстречу, и Сара подумала на секунду, что он сожмет ее руку, но он только вытащил орхидею из ведерка. – Оттягивая официальное закрытие, я лишь откладываю неизбежное. Лучше сразу оторвать присохшие бинты.

Сара сжала кулаки, заставляя себя дышать размеренно и глубоко.

– Это будет слабым утешением для моих родителей, когда они потеряют работу.

– Мы с моими людьми разработали специальные предложения для давно работающих на фабрике.

– Дающие им меньше половины того, чего они ожидали.

Ветер принес из-за забора водяную пыль от соседской оросительной системы, но это нисколько не охладило ярость Сары.

– Я мог бы предложить больше, но это было бы неразумно. – Рейф начал водить хрупким цветком по ее кулаку, пока пальцы не разжались. – Наши ресурсы исчерпались бы через пять лет после увольнения.

– Это ты так говоришь. – Она выхватила у него цветок и откинулась на спинку стула.

– Можешь не верить мне, это не важно, – надменно сказал Рейф. – Я просто любезно объясняю тебе ситуацию. Твое одобрение мне не нужно.

– Мое мнение никогда не было тебе нужно, даже когда оно было важно.

Слова сами собой сорвались с губ; она была слишком зла на него, на его ложь, чтобы уследить за ними. Она уехала бы с ним из Виста-дель-Мар, если бы он женился на ней, а он хотел поехать в Лос-Анджелес, слишком огромный город, где ей было бы некомфортно. И тогда она поняла, что он вовсе не хотел жениться на ней, а просто чувствовал себя обязанным сделать это. Воспоминание об этом до сих пор причиняло ей боль, а она привыкла прятать боль за вспышками гнева. Ее темперамент всегда развязывал ей язык. Это случилось и сейчас, хотя она не собиралась показывать ему, что ей все еще больно.

– Сдается мне, ты не так уж преуспела в том, чтобы оставить прошлое в прошлом и двигаться дальше. – Он отодвинул ведерко и перегнулся через стол. – Сдается мне, ты все еще что-то чувствуешь ко мне.

Конечно, она что-то чувствовала к нему – и ненавидела себя за это! Она была по-прежнему одержима им, как четырнадцать лет назад.

– Если ты считаешь желание рвать и метать чувством, то да.

– Когда-то мы находили в такой несдержанности свою прелесть. – Он встал и подошел к ней, оперся о стол, слишком близко к ней, слишком близко. – И должен признать... – Он сжал ее руку. – Когда я рядом с тобой, когда я вижу тебя, чувствую твой запах, я едва могу сдержаться.

Ее кровь вскипела от возбуждения.

– Как плохо быть тобой.

Жаль, что впечатление от насмешливого тона смазлось дрожащими руками.

– Ты легко раздражаешься. – Его голос рокотал в груди, обволакивая Сару, как густой запах его одеколona. – Когда ты долго не даешь выход эмоциям, ты становишься взвинченной.

– Я не взвинчена, – солгала она.

Мурашки бежали по ее груди, между ног ныло от желания. Она выдернула руку из его пальцев. Его нога прижалась к ее колену. Рейф забрал у Сары цветок и сунул его ей за ухо.

– А я думал, что возбуждаю тебя.

– Нисколько.

«Лгунья».

Долгое воздержание обрушилось на нее со всей своей силой теперь, когда искушение, которому невозможно было противиться, было на расстоянии вытянутой руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.